

A. Bonola, O. Inkova (dir.). Categorie verbali e problemi dell'organizzazione testuale. Studi contrastivi Slavo-Romanzi / Глагольные категории и проблемы организации текста. Сопоставительное описание славянских и романских языков. Milano: EDUCatt, 2011. 280 p. (L'analisi linguistica e letteraria. XVIII. 1/2010. Numero Speciale)

Рецензируемый сборник представляет собой специальный выпуск итальянского журнала «L'analisi linguistica e letteraria» и содержит статьи участников I Международного семинара Проблемной группы по сопоставительной лингвистике текста (Gruppo di studio di linguistica testuale contrastiva), состоявшегося в феврале 2010 г. в Милане¹.

¹ Кроме статей по тематике конференции, сборник включает также одну рецензию и довольно обширный (более сорока страниц) раздел с обзором недавно вышедшей литературы по разным областям лингвистики (общая лингвистика, исследования на материале французского, английского, русского и немецкого языков), а также по методике преподавания иностранных языков.

Сборник разделен на две части: «Глагольные категории» и «Текст». Статьи написаны на итальянском, русском, испанском и французском языках (при этом названия иноязычных статей, а также предисловие переведены на русский язык); в конце сборника приводятся краткие аннотации на английском и сведения об авторах.

Статьи **первой части** сами составители характеризуют как посвященные «описанию языковых средств, обеспечивающих связность текста на уровне лексико-грамматических категорий глагола» (с. 13). Говоря более конкретно, первая часть содержит результаты сопоставительных исследований видо-временных глагольных систем (одного из) романских и (одного из) славянских языков.

Сборник открывается двумя статьями на итальянском языке – «Усвоение вида в славян-

ских и романских языках» Л. Геберт и «Употребление прошедших времен в некоторых славянских и романских языках с дидактической точки зрения» А. Крайсберг, – посвященными, как следует из названий, вопросу усвоения видо-временных форм глагола (как носителями, так и эмигрантами и просто изучающими язык как иностранный). Статья Л. Геберт носит во многом реферативный характер; кратко пересказаны результаты ряда работ (главным образом, психолингвистической направленности) об усвоении означенной глагольной категории, соответственно, носителями и людьми, для которых язык не является родным; упоминаются данные русского, польского, итальянского, французского, а также английского языков. Основной вывод, к которому вслед за авторами реферируемых работ приходит Л. Геберт, заключается в том, что как в романских, так и в славянских языках принципы усвоения форм глаголов совершенного и несовершенного вида до известной степени симметричны. Формы совершенного вида предельных глаголов усваиваются раньше, чем предельных; формы несовершенного вида предельных глаголов усваиваются, наоборот, позже, чем предельных.

Тематически близка к статье Л. Геберт статья А. Крайсберг об употреблении глагольных форм прошедшего времени носителями польского языка, изучающими итальянский. Как считается, прошедшее время романских языков ориентировано на выражение взаимного расположения событий на оси времени, а славянских языков – на завершенность / незавершенность действия. В частности, системы типа польской можно назвать аспектуально ориентированными (иными словами, категория аспекта является семантической доминантой подобных глагольных систем), системы же типа итальянской ориентированы на таксис. А. Крайсберг приходит к выводу, что именно это различие вызывает наибольшие затруднения при овладении иностранным языком, являясь причиной большинства ошибок в употреблении глагольных форм прошедшего времени.

Сопоставительному анализу форм прошедшего времени также посвящена статья З. Генчевой (на французском языке) – сравнивается употребление болгарских имперфекта и аориста, с одной стороны, и французских *imparfait* и *passé simple*, с другой. Отмечая тесную связь между категориями вида и времени, автор признает, что весьма затруднительно отделять изучение одной из них от изучения другой, и для более точного описания видо-временной семантики предлагает использовать понятия открытого и закрытого интервала (введенные в целом ряде предыдущих работ Ж.-П. Декле

и автора). Следует отметить, что эта терминология французской школы имеет очевидные параллели с понятием «окна наблюдения» (англ. *topic time*), независимо предложенным в начале 1990-х гг. В. Клейном (ср., например, [Klein 1994]; работы Клейна в статье не упоминаются). Далее автор рассматривает некоторые интересные случаи употребления французских и болгарских глагольных форм, в частности хорошо известное специалистам по французскому языку употребление имперфекта в хабитуальном итеративном значении. Согласно З. Генчевой, возникновение такого значения у форм имперфекта обусловлено «неактуальностью события относительно момента речи». На материале болгарского отдельно описан случай, когда аорист несовершенного вида выражает неопредельный процесс, ограниченный во времени. В конце формулируется ряд обобщений относительно семантики аориста и имперфекта, большинство из которых представляются верными, хотя и не новыми ни для романистики, ни для славистики, ни для аспектологии в целом. Возражения может вызвать лишь вывод автора о том, что *passé simple* во французском и аорист в болгарском всегда выражают «события» (франц. *événements*), что явным образом не соответствует рассмотренному самим автором случаю болгарского аориста НСВ, выражающего ограниченный во времени неопредельный процесс; аналогичные употребления можно найти и во французском.

Видо-временные глагольные формы французского языка, на этот раз уже в сопоставлении с русскими, являются объектом исследования и в статье И.Н. Кузнецовой (написанной на русском языке). Акцент делается на переводных эквивалентах, приводятся данные по частоте соответствий одних форм другим (например, в 81% случаев французскому *imparfait* соответствует русский несовершенный вид или в 90% случаев французским аналитическим глагольным формам, выражающим предшествование во времени, соответствует русский совершенный вид и т.п.). Отклонения от выявленных закономерностей автор объясняет все той же разницей между семантическими доминантами глагольных систем русского и французского языков (т.е. профилированием аспекта в первом случае и профилированием таксиса – во втором). На наш взгляд, некоторым недостатком работы является ее метаязык: при описании грамматической семантики глагола автор в основном пользуется традиционными абстрактно-метафорическими понятиями (такими, как делимое / неделимое время, напряженность действия, целостность действия и др.), уже давно и неоднократно подвергавшимися кри-

тике и в современных работах по аспектуальной типологии избегаемыми.

Р. Гусман Тирадо (статья на испанском языке) предлагает модель описания испанской аспектуальной зоны как функционально-семантического поля. Данная работа является, так сказать, наименее сопоставительной из всех, представленных в первой части сборника, что, впрочем, вовсе не делает ее лишенной интереса и новизны. По крайней мере, у читателя не возникает чувства обманутого ожидания, когда в качестве конечного результата исследования он в который раз обнаруживает, что категория аспекта в романских языках действительно устроена не так, как в славянских. Первую половину статьи занимает пересказ основных принципов функциональной грамматики А.В. Бондарко, без сомнения, хорошо известных российскому читателю; далее кратко описаны ядро и периферия аспектуального функционально-семантического поля в испанском. Ядро состоит из двух подсистем: глагольных перифраз (например, *ir a* + инфинитив со значением проспектива и др.) и финитных глагольных форм, выражающих оппозицию имперфекта, аориста и презенса (*indefinido*), с одной стороны, и оппозицию простых и сложных глагольных «времен», с другой. К лексическим элементам периферии относятся, в первую очередь, вспомогательные бытийные глаголы *ser* и *estar*, а также глаголы с возвратными местоимениями (хотя, как отмечает сам автор, с такой трактовкой согласятся далеко не все исследователи; впрочем, по большому счету, не так важно, элементами какого именно типа считать эти глаголы – они в любом случае попадают в периферию аспектуального функционально-семантического поля). К словообразовательным элементам периферии относятся, например, глагольные лексемы, образованные при помощи префиксации или суффиксации.

Несколько особняком среди статей первой части сборника стоит работа А. Лентовской (на русском языке), посвященная не столько видо-временным характеристикам глагола, сколько акциональной классификации русских и итальянских предикатов. В основе классификации русской лексики лежит подход, предложенный Л. Яндой (см. [Janda 2007]), предлагающий разбиение всех глаголов на так называемые аспектуальные гнезда (англ. *aspectual clusters*), т.е. группы однокоренных лексем, выражающих различные аспектуальные значения. Гнездо содержит своего рода ядро – морфологически наиболее простой глагол, как правило, это форма несовершенного вида, от которого далее образуются аспектуальные дериваты – и производные формы совершенного и несовершенного вида. Примером гнезда может служить набор

писать, написать, переписать, переписывать, записать... На основе тестов на синтаксическую сочетаемость с различными наречиями А. Лентовская выделяет 11 аспектуальных гнезд, засвидетельствованных в русском языке (правда, в итоговой таблице их приводится уже 12). Акциональная классификация итальянских предикатов заимствована из работы [Bertinetto 1997]. Основным результатом дальнейшего сопоставительного анализа становится вывод о соответствии между аспектуальным гнездом в русском языке и многозначным глаголом в итальянском языке (например, гнездо *плакать, поплакать, заплакать* соответствует одной итальянской лексеме *piangere*).

Оценивая первую часть рецензируемого сборника в целом, следует отметить, безусловно, достаточно высокий уровень статей, аккуратное обращение с языковым материалом, в частности отсутствие нередких (к сожалению, даже у русистов) ошибок в русскоязычных примерах. С точки зрения полученных результатов, однако, вряд ли можно говорить о каких-либо аспектологических открытиях; знакомство с перечисленными выше работами, вне всякого сомнения, пойдет на пользу начинающему лингвисту, но ни слависты, ни романисты, ни аспектологи «со стажем», как кажется, не найдут здесь для себя ничего нового. В рамках заявленной темы (славяно-романская сопоставительная лингвистика) наибольший интерес, по вполне понятным причинам, могли бы представлять данные румынского языка, но как раз ни одного упоминания о нем мы не встречаем. Более мелкий, но все же местами довольно ощутимый недочет – отсутствие унификации терминов. На качестве статей, впрочем, это никак не сказывается, скорее, этот упрек можно адресовать редакторам сборника. Понятно, что всякая область лингвистики – особенно специализирующаяся на исследовании какого-то одного конкретного языка или группы близкородственных языков – имеет свою устоявшуюся систему нотаций, но в рамках шести статей можно было бы попытаться привести терминологию к, так сказать, общему знаменателю.

Статьи **второй части** содержат, опять же, пользуясь выражением составителей, описания «логических и концептуальных принципов аргументации и языковых средств, позволяющих их реализацию» (с. 13). Раздел включает семь статей, шесть из которых написаны на русском языке и одна («Глаголы пропозициональной установки в итальянском и русском текстах», автор Р.А. Говорухо) – на итальянском.

Раздел открывается работой И.М. Кобозевой, посвященной функционированию различных коннекторов в русском языке. Коннек-

торами автор называет «слова и выражения, с той или иной степенью конкретности указывающие на ДСО [дискурсивное семантическое отношение], которым связаны две (или более) дискурсивные единицы (далее ДЕ)» (с. 108). В статье рассмотрены такие коннекторы, как *по причине того, что*, *в результате того, что*, *потому что*, *в связи с чем* и т.п. Список ДСО взят из работы [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009] и, соответственно, представляет собой расширенную версию списка риторических отношений, введенного в классических работах Манна и Томпсон (см., например, [Mann, Thompson 1987]). Основной задачей исследования является описание и структурирование семантических и формальных параметров варьирования коннекторов русского языка. К первым относятся, например, такие характеристики, как семантический потенциал коннектора (т. е. множество устанавливаемых им семантических отношений между ДЕ), характер связи, осуществляемой коннектором (симметричные или асимметричные отношения), и другие. Формальными параметрами варьирования являются «синтаксический статус» коннектора (т. е. его «однословность» или «многословность»), принадлежность (для однословных коннекторов) к той или иной части речи, контактность/дистантность расположения компонентов составных коннекторов и возможность опущения одного из них и ряд других. По ходу изложения автор также отмечает ряд связанных с классификацией коннекторов проблем, которые только ждут своего исследователя (к примеру, описание формальных свойств коннекторов, опирающееся на семантические факторы, можно признать одним из перспективных направлений дальнейшего развития описания коннекторов в русском языке).

Объектом изучения в статье Ф. Бьяджини являются целевые составные союзы русского языка, включающие элемент *чтобы* (например, *для того чтобы*, *ради того чтобы*, *с тем чтобы*, *во имя того чтобы*, *с целью того чтобы* и т.п.). Основная гипотеза относительно синтаксических свойств союзов состоит в том, что различия в их функционировании связаны с большей или меньшей степенью грамматикализации исследуемых языковых элементов или их частей. Автор предлагает набор из пяти параметров, на основе которых и определяется степень утраты автономности; например, сочетаемость с инфинитивом – если предложная группа, входящая в состав сложного союза, полностью грамматикализовалась, то невозможно ее предшествование инфинитиву. Ср.: *с целью получить* (большая степень автономности) vs. **во имя получить* (меньшая степень автономности). В оставшейся части

статьи на основании этих пяти параметров сравнивается поведение составных союзов *для того чтобы* и *с целью того чтобы* с простым союзом *чтобы*, а также с конструкцией *с желанием (чтобы)* + инфинитив.

О. Инькова сравнивает структуру русских и французских соотносительных предложений различных типов: сложноподчиненные предложения со сравнительными отношениями между главной и зависимой частями (*На ней то же платье, что и вчера*), сложноподчиненные предложения, характеризующие степень признака (*Она так устала, что не могла говорить*) и других. В результате сопоставительного анализа достаточно разнообразного языкового материала автор приходит к выводу, что наибольшее структурное расхождение между русскими предложениями и их французскими переводными эквивалентами наблюдается в случае сравнительных и определительных отношений между частями сложного соотносительного предложения. Также описаны интересные случаи разрешения омонимии при переводе с русского на французский; например, русскому *что* как союзу и *что* как местоимению во французском соответствуют различные лексические элементы (*que* и *ce que*), такая же ситуация и с русским *так* (*tellement* и *de telle façon*). С другой стороны, во французском нет возможности лексически выразить усилительную функцию русских демонстративов (различия между предложениями типа *Ты не поняла, что я сказала* и *Ты не поняла того, что я сказала* при переводе обычно утрачиваются).

Следующие две статьи – «Соединительные элементы в аргументативном дискурсе и показатели аргументативности в русском языке» М. Гатти и «Текстуальные и прагматические функции русских частиц: сопоставительный анализ русского и итальянского» А. Бонолы – выполнены в рамках теории конгруэнтности, особого «семантико-прагматического подхода к связности текста», разработанного группой швейцарских и итальянских лингвистов, в первую очередь Е. Риготти (основные этапы развития теории отражены в работах [Rigotti 1993; 2005; Rigotti, Rocci 2006] и некоторых других). Важным понятием теории конгруэнтности является понятие коннектива (его не следует путать с коннектором) – связующего, семантически и логически, предиката, имеющего в качестве аргументов говорящего, слушающего, высказывание B_0 (к нему предъявляются основные логико-семантические требования), так называемый «котекст» (высказывания B_{-2} , B_{-1} , B_{+1} и т.д., предшествующие или следующие за B_0) и контекст. Для ясности приведем пример, предлагаемый М. Гатти:

(1) А: Почему ты не заставил сына вести машину, если ты устал?

Б1: (B₋₁) Мой сын не водит машину. (B₀) Ему десять лет.

Б2: (B₋₁) Мой сын не водит машину. (B₀) Он женат.

«В отличие от первого примера, второй без включения в контекст особых ассумпций оказывается бессмысленным. В самом деле, высказывание (B₀) *Он женат* не является конгруэнтным, так как не отвечает на задание, порученное ему коннективом: дать каузальное объяснение факта или состояния вещей, изложенных высказыванием (B₋₁) *Мой сын не водит машину*, которое предшествует в контексте» (с. 164)². Применяя подобный метод описания, М. Гатти исследует аргументативные (т. е. направленные на убеждение собеседника в истинности некоего высказывания) речевые акты на материале русского языка.

Статья А. Бонолы посвящена русской частице *ведь* (одной из наиболее подробно описанных в русистике); выявлены основные условия употребления коннектива, выражаемого этой частицей, исходя из намерений говорящего. Это, например, контексты с репрезентативами (*Придется идти за водой на колодец. В колонке ведь воды нет уже с утра*), директивами (*Мама, дай-ка мне двойной мед и масло, я ведь утром проспала*), экспрессивами (*Приезжаю в редакцию. Узнаю, что Безуглов в командировке. А ведь говорил мне, что командировочные фонды израсходованы*), эллиптические контексты (*Мне ведь тоже надо было идти в отдел кадров!*) и некоторые другие (примеры позаимствованы из рецензируемой статьи, с. 178–180). Проводится также краткое сравнение с частицей *же*. В конце статьи приведена небезынтересная информация о соответствии между русским *ведь* в различных функциях и итальянскими переводными аналогами.

Две заключительные статьи сборника содержат сопоставительный анализ некоторых аспектов коммуникативной организации текста в

² Вариант ответа Б1, надо сказать, в реальности также слабо представим. На наш взгляд, тот факт, что спрашивающему известно, что а) адресат имеет сына и б) в момент времени *t*, когда ситуация имела место, адресат чувствовал усталость (вероятнее всего, сам же это и сообщил), свидетельствует о довольно близких отношениях между участниками речевого акта. Поэтому маловероятно, что спрашивающему неизвестен хотя бы примерный возраст сына. Впрочем, это замечание уже скорее из области прагматики и общих знаний о мире и не относится к логико-семантическим аспектам вопроса.

русском и итальянском. Р.А. Говорухо рассматривает контексты с пропозициональными предикатами эмотивного и ментального восприятия и с глаголами знания и речи. Исследование обнаруживает ряд нетривиальных различий между принципами организации итальянского и русского текста; основное из них заключается в том, что в итальянском языке пропуск модусного компонента крайне нежелателен, в то время как в русском подобные контексты если и не широко распространены, то по крайней мере вполне приемлемы. Ср. один из примеров автора (с. 198):

(2) Вся наша улица переживала – как будут развиваться события?

Tutta la nostra via stava in ansia a vedere come si sarebbero evoluti gli eventi.

М. Изола сосредотачивает внимание на вопросе актуального членения предложения, выражаемого порядком слов. На материале корпуса параллельных текстов («Собачье сердце» М.А. Булгакова и пять различных переводов повести на итальянский язык) подтверждается гипотеза о том, что для итальянского основным критерием, влияющим на выбор того или иного способа оформления тема-рематических отношений, является близость к базовому порядку слов (для итальянского это, как известно, SVO), что при переводе зачастую влечет за собой изменение исходной тема-рематической структуры русского текста. Не исключено, что свою роль здесь также играет и в целом более свободный по сравнению с итальянским порядок слов в русском языке.

Если говорить о работах второй части сборника в целом, то, безусловно, они представляются более интересными и, если угодно, более «живыми», чем работы первой части. Различие это, в общем, понятно: дискурсивные исследования в целом и изучение принципов организации текста в частности – сравнительно молодые области лингвистики, и это оставляет авторам больший простор для поиска нетривиальных фактов и формулировки оригинальных гипотез. Авторы статей из первой части находятся в гораздо более сложном положении: они имеют дело как с давно сформировавшейся научной традицией (аспектология), так и с очень хорошо изученным языковым материалом (распространенные и подробно описанные европейские языки). Кроме того, и сама постановка задачи – сопоставительное изучение романских и славянских языков – выглядит более интересной и многообещающей применительно к языковым явлениям «верхних» уровней (т.е. предложению и тексту), а также к таким задачам, как способы организации и структурирования высказываний, семантические связи между различными элементами дискурса и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик, Подлесская (ред.) 2009 – *A.A. Кибрик, В.И. Подлесская* (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.
- Bertinetto 1997 – *P.M. Bertinetto*. Il dominio tempo-aspettuale. Demarcazioni, intersezioni, contrasti. Torino, 1997.
- Janda 2007 – *L.A. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in language*. XXXI. 2007. 3.
- Klein 1994 – *W. Klein*. Time in language. London, 1994.
- Mann, Thompson 1987 – *W.C. Mann, S.A. Thompson*. Rhetorical structure theory: A theory of text organization. Los Angeles, 1987.
- Rigotti 1993 – *E. Rigotti*. La sequenza testuale. Definizione e procedimenti di analisi con esemplificazioni in lingue diverse // *L'analisi linguistica e letteraria*. I. 1993.
- Rigotti 2005 – *E. Rigotti*. Congruity theory and argumentation // *M. Dascal et al. (eds.)*. Studies in communication sciences, special issue: Argumentation in dialogic interaction. Lugano, 2005.
- Rigotti, Rocci 2006 – *E. Rigotti, A. Rocci*. Tema-rema e connettivo: la congruità semantico-pragmatica del testo // *G. Globber, M.C. Gatti, S. Cigada (eds.)*. Syndesmoi: Connettivi nella realtà dei testi. Milano, 2006.

Кс.П. Семёнова

Сведения об авторе:

Ксения Павловна Семёнова
МГУ им. М.В. Ломоносова
lessful@gmail.com